

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ СТИХОТВОРНЫХ ПЕРЕНОСОВ (ENJAMBEMENTS)

Проблема выявления стихотворных переносов (enjambements) была поставлена автором статьи около тридцати лет назад. Тогда же была предложена методика выявления переносов, которая активно использовалась самим автором и его учениками, но не стала общепринятой. Многочисленные случаи неоднозначной интерпретации стиховедами текстов с точки зрения наличия или отсутствия в них переносов вызывают необходимость вернуться к означенной проблеме.

В предлагаемой статье приведены дополнительные аргументы ранее манифестируемых методологических и методических принципов, расширен иллюстративный материал, включена полемика с авторами новейших работ по стихотворным переносам, внесены коррективы в отдельные формулировки.

Проблемное поле статьи составляют вопросы о роли внутрискладовой паузы и о силе межстрочных синтаксических связей. Автор считает ошибочной абсолютизацию роли пунктуационно оформленной внутрискладовой паузы и настаивает на необходимости выявления переносов путем сопоставления силы горизонтальных и вертикальных синтаксических связей: enjambement возникает, когда вертикальные связи оказываются сильнее горизонтальных.

При определении силы синтаксических связей автор руководствуется иерархией М.Л. Гаспарова–Т.В. Скулачевой, в которую вносит некоторые дополнения с учетом аналогичной иерархии М.И. Шапира и собственных наблюдений над переносами русской поэзии XVIII–XX вв.

Ключевые слова: стиховедение, стихотворный синтаксис, ритм, стихотворный перенос (enjambement), внутрискладовая пауза, сила горизонтальных и вертикальных синтаксических связей.

В настоящее время в стиховедческой литературе (в словарных статьях отраслевых энциклопедий и научных работах) нет значительных различий по поводу определения стихотворного переноса (enjambement, в дальнейшем – **enj**) как ритмико-синтаксического явления, возникающего в результате «несовпадения синтаксической и ритмической паузы в стихе, когда конец фразы или колонна не совпадает с концом стиха <...>» [1, С. 274].¹ Однако конкретные исследования (скажем, частотности переносов) обнаруживают неоднозначность интерпретации всеми констатируемого «несовпадения». При мером много, но самый, пожалуй, красноречивый – результат исследования **enj** «Евгения Онегина» двумя известными стиховедами – Б.В. Томашевским и О.И. Федотовым. По данным первого, в пушкинском романе десять строфических переносов [5, С. 298–300], а по данным второго – только три [3, С. 246]. Убеждены, что этот факт и другие, ему подобные, – следствие отсутствия единой методики выявления переносов.

Проблема выявления стихотворных переносов была поставлена нами еще в 80-х годах прошлого века [6], [7]; тогда же была предложена

методика выявления **enj**, которая регулярно применялась нами в процессе длительного обследования в аспекте **enj** русской поэзии XVIII–XX вв., а также нашей аспиранткой Г.А. Бокушевой в диссертационном исследовании переносов Н.А. Некрасова [8] и другими ученицами при изучении переносов поэзии пушкинской поры [9] и поэзии серебряного века [10]. Тем не менее предложенная нами методика не стала общепринятой. Многочисленные случаи сомнительного определения статуса переносов в стиховедческих публикациях, а также накопленный опыт описания структуры переносов побуждает нас вернуться к проблеме выявления **enj**, представить предлагаемую методику более развернуто и с учетом новейших работ по стихотворным переносам, а также внести коррективы в отдельные собственные суждения.

В практике выявления переносов большинство стиховедов в настоящее время руководствуются наличием в строке произведения внутрискладовой синтаксической паузы, следуя за В.М. Жирмунским, проникательно указавшим на ее роль в посвященном **enj** разделе «Введения в метрику» (1924). Обратим внимание

¹ Ср. приведенное определение М.Л. Гаспарова с определениями В.Е. Холшевникова [2], О.И. Федотова [3], А.Г. Степанова [4], Г.А. Левинтона [25, С. 260] и др.

на один нюанс. Отмечая роль внутрискладовой синтаксической паузы, В.М. Жирмунский не говорил о паузе графически оформленной, но судя по приведенным им многочисленным примерам (см. [11, С.154–162]), он – в связи с **enj** имел в виду паузу, пунктуационно оформленную знаками – точкой, точкой с запятой, многоточием, тире, запятой. Современные стиховеды также руководствуются именно пунктуационно оформленной паузой. Наличие подобной паузы, несомненно, яркий, легко улавливаемый исследователем признак переноса. Однако при всей красноречивости и надежности этого признака его нельзя, на наш взгляд, абсолютизировать, так как он не покрывает всех случаев функционирования **enj** в русской поэзии.

Насколько нам известно, первым ученым, усомнившимся в необходимости руководствоваться только внутрискладовой паузой, был К.Ф. Тарановский, рассмотревший в специальной работе, посвященной **enj**, несколько случаев появления переносов без внутрискладовых пауз [12, С.80–87]. Другой ученый Вяч. Вс. Иванов, не делая **enj** предметом специального исследования, при конкретном анализе поэтической оды XVIII в. приводит пример: Твои щедроты ободряет / Наш дух и к бегу устремляет <...>, и сопровождает его комментарием: «Одическая строфа здесь деформирована переносом: ободряет / наш дух <...>» [13, С.186]. Как видим, в поле зрения ученого попал перенос, возникший между строк, в которых отсутствует пунктуационно оформленная синтаксическая пауза. При обследовании в аспекте **enj** русской поэзии мы обнаружили многочисленные факты появления переносов между строками, в которых отсутствуют внутрискладовые паузы. Приведем несколько примеров, представляющихся бесспорными. У В. Жуковского: «В селеньи каждом есть твой храм / С сияющим крестом, / С молитвой сладкой и с твоим / Доступным алтарем»² («Песня бедняка», 1816); у А. Пушкина: «Уловку выдумав и грудь / Отворотив от пистолета <...>» («Евгений Онегин», 1823–1830); у Е. Баратынского: «В домах уснувших ни одно / Не озарялося окно» («Цыганка», 1829–31, 1842); у

Н. Огарева: «Махает крыльями и вдруг / В глуши скрывает свой испуг.» («Осень, 1840–1841»); у Н. Некрасова: «Как много нежности и силы / Душевной вызвали они!» («Я посетил твое кладбище...», 1856); у С. Есенина: «Не бродить, не мять в кустах багряных / Лебеды и не искать следа.» («Не бродить, не мять в кустах багряных...», 1915); у И. Бунина: «И в ярком небосклоне предо мною / Кудрявилась зеленая гора» («Благовестие о рождении Исаака», 1916); у Н. Гумилева: «Там отслужу молебен о здравье / Машеньки и панихиду по мне» («Заблудившийся трамвай», 1921); у Цветаевой: «Такая власть над сбивчивым / Числом у лиры любящей <...>» («Брожу – не дом же плотничать...», 1923); у Вяч. Иванова: «В бестенный полдень столько милых / Теней глядится через смерть» («Из римского дневника 1944 года. Август»); у А. Твардовского: «В труде, в пути, в страде походной / Я неразлучен был с одной / И той же думой неисходной <...>» («За далью – даль», 1950–1960); у И. Бродского: «О, сжавшаяся до размеров клетки / мозга комната с абажуром <...>» («Элегия». «Постоянство суть эволюция принципа перемещения...», 1989) и др.

В числе приведенных примеров эффективность переносов, конечно, различная – большая (у Гумилева) или меньшая (у Есенина), но сам факт их функционирования сомнений не вызывает: наличие переносов подсказывает смысл разорванных фраз. Перечень переносов, возникающих без пунктуационно оформленной внутрискладовой паузы можно продолжить, но справедливости ради, следует сказать, что их число относительно невелико (исключение, может быть, составляют только **enj** Вяч. Иванова и И. Бродского). В нашем материале гораздо больше случаев, когда в тексте переносы не появляются, несмотря на наличие внутрискладовой паузы в строке. Подобные случаи возникают, как правило, в «длинных» размерах – гекзаметре (Мощной рукой врата растворил он; за ними кипели / В светлом хаосе призраки веков; как гиганты смотрели <...> – «Протокол двадцатого арзамасского заседания», 1817, В. Жуковского), 5-стопном ямбе («Как все молчит! В полночной

² Здесь и далее, как во всех наших работах, посвященных **enj**, слова, стоящие в переносе (оставленная часть фразы в «верхней» строке, или перенесенная часть фразы в «нижней» строке, или обе части – в зависимости от типа переноса) маркированы подчеркиванием; курсивом маркированы слова, с которыми у оставленных или перенесенных слов образуется синтаксическая связь. При цитировании в подбор границы строк отмечаются одной вертикальной наклонной чертой, границы строф – двумя чертами.

глубине / Окрестность вся как будто притаилась <...> – «Деревенский сторож в полночь», 1818, Жуковского), 4-стопном анапесте («И стоит караван, и его проводник / Всюду посохом шарит в тревоге <...>» – «Сахара», 1918, Н. Гумилева) и др. Но достаточно часто подобные случаи отмечаются и в «средних» размерах, таких как 4-стопный ямб. См. у А.Пушкина: «Я к ней – и пламень роковой / За дерзкий взор мне был наградой («Руслан и Людмила», 1818–1820); «Настала ночь; в телеге темной / Огня никто не разложил («Цыганы», 1824); у Лермонтова «Увы, я стар! Мои седины / Белее снега той вершины.» («Хаджи Абрек», 1833); у Вяч. Иванова: «И тянется бумажной степью / По рельсам поезд; длинной цепью / Он на колесиках катит» («Младенчество», 1913–18) и др.

Из приведенных двух полярных групп примеров (I – переносы возникают при отсутствии внутрисклимовой паузы; II – переносы не возникают при наличии внутрисклимовой паузы) вытекает вывод о необходимости искать дополнительные критерии выявления **enj**. Эти критерии, как мы ранее уже отмечали [7, С. 191], были намечены еще В.М. Жирмунским, который свои суждения о роли внутрисклимовой паузы сопровождал утверждением, что «наличность переноса определяется не столько абсолютной значительностью паузы, сколько *отношением* (курсив Жирмунского – С.М.) между синтаксическим перерывом внутри ритмического ряда и на его границе» [11, С.155]. Однако стиховедение взяло на вооружение идею роли внутрисклимовой паузы, а идея «отношение между перерывами» осталась практически проигнорированной. Сам В.М. Жирмунский в 20-е годы наметил ее в самых общих чертах, а последователи эту идею не разрабатывали и не применяли.³ Данная ситуация возникла в результате того, что в стиховедении не было критериев градации силы (тесноты) синтаксических связей. Сегодня ситуация изменилась: существует по крайней мере две иерархии силы (тесноты) синтаксических связей – М.Л. Гаспарова– Т.В. Скулачевой и М.И. Шапира. Авторы обеих иерархий в каче-

стве своих предшественников справедливо называет Б.И. Ярхо⁴, который совершил прорыв в изучении силы межстрочных синтаксических связей, предложив узнавать эту силу способом подсчета процентов совпадения тех или иных связей с концом рифменной цепочки: слабые связи те, что избегают конца рифменной цепи [15, С. 622]. Руководствуясь этим способом, Б.И.Ярхо наметил группы синтаксических связей и иерархические отношения между ними. Число этих групп у Ярхо менялось. Исследователь «Методологии точного литературоведения» М.В. Акимова утверждает, что наиболее «дробная классификация» ученого «насчитывала 10 пунктов, помимо смешанных случаев: это межстрочные связи 1) между отдельными предложениями, 2) между частями сложносочиненного или сложноподчиненного предложения, 3) между однородными подлежащими или сказуемыми, 4) между группой подлежащего и группой сказуемого, 5) между глаголом и адвербиалом или косвенным дополнением, 6) между глаголом и прямым дополнением, 7) между существительным и приложением, 8) между существительным и согласованным либо генетивным определением. Отдельно рассматривались связи 9) при обращении и 10) вспомогательных частицах <...>» [16, С. 221].

Разделяя подход к определению силы межстрочных синтаксических связей, обозначенный Б.И. Ярхо, М.Л. Гаспаров в 1981 г. предложил «в качестве условной схемы» шесть ступеней усиления синтаксических связей: А) связь между предложениями; Б) между группами подлежащего и сказуемого; В) между глаголом и обстоятельством; Г) между глаголом и дополнением; Д) между определяемым и определением; Е) в приложениях, фразеологических единствах и проч.» [17, С. 150], что означало создание «иерархии сравнительной тесноты синтаксических связей.» [17, С. 150]. В последующих работах – в соавторстве с Т.В. Скулачевой – эта иерархия корректировалась: были добавлены связи между сочиненными и подчиненными предложениями, между одно-

³ Исключение составляют А.Г. Степанов, который в статье новейшего энциклопедического словаря разницу силы паузы «внутри строки» и «в конце» ее положил в основу определения переноса [4, С.162-163].

⁴ Идеи Б.И. Ярхо, высказанные им в 20-30 годы XX века, в силу трагических обстоятельств его личной жизни, оказались неизвестными научной общественности. В 1969г. М.Л. Гаспаров опубликовал фрагменты фундаментального труда ученого «Методология точного литературоведения» [14], а в 2006г. коллектив авторов (М.В. Акимова, И.А. Пильщиков, М.И. Шапир) подготовили к изданию этот труд в полном объеме [15].

родными членами при причастных, деепричастных и других оборотах, дифференцированы связи с прямым дополнением и косвенным. [18, с. 182–190]. Всего иерархия Гаспарова-Скулачевой имеет 10 ступеней. Появившаяся позднее аналогичная иерархия М.И. Шапира включала «23 ступени последовательного усиления грамматической связанности» [21, С. 11–12]; (ср. [20, С. 164–166]). Сама последовательность усиления наиболее частотных видов синтаксической связи в иерархиях Шапира и Гаспарова-Скулачевой одинакова; увеличение иерархии Шапира произошло за счет более детального рассмотрения каждой ступени, намеченной предшественниками.

Для исследования стихотворного переноса уже первая иерархия (1981 г.) М.Л. Гаспарова имела принципиальное значение. В самом деле, для **enj** не важны связи, возникающие между предложениями: понятно, что в этом случае переноса нет. Все остальные связи, как показывают наблюдения, в переносах с той или иной частотностью появляются, а это значит, что иерархию можно и даже необходимо использовать при анализе **enj**. Следовательно, идею В.М. Жирмунского «об отношении между перерывами» можно наполнить конкретным содержанием и более строго определять условия возникновения переносов.

Имея в виду иерархию синтаксических связей, мы предложили следующую методику выявления **enj**. В конкретном стихотворном тексте необходимо установить силу синтаксических связей между всеми словами (словами «метрическими» [22, С. 150]), а затем сравнивать связи «горизонтальные» – внутри каждой строки – со связями «вертикальными» – между концом «верхней» строки и началом «нижней».⁵ Мы отметили, что в явлении переноса наибольшую роль играют горизонтальные связи, находящиеся ближе к концам строк, но их сила связана с остальными, поэтому необходимо «взвешивать» силу синтаксических связей всего текста. Результатом «взвешивания» и последующего сравнения явилась формулировка условия появления переносов: «в стихотворном тексте перенос возникает в том случае, если связи

вертикальные оказываются сильнее горизонтальных, и он не возникает, если вертикальные связи по силе меньше или равны горизонтальным» [7, С. 191–192]. Условие, сформулированное около 30 лет назад, сегодня представляется верным, что будет продемонстрировано ниже на интерпретации нескольких примеров из числа выше приведенных. В корректировке нуждается только объем понятия «вертикальные связи». Согласно выявленному нами материалу, в переносах русской поэзии очень часто вертикальные синтаксические связи – это действительно связи между концом верхней строки и началом нижней – в случаях типа *contre-rejet* («<...> Что есть другая жизнь, – и я отдам / Все голоса за этот звук верховный» – «Колокол», <1916>, К. Бальмонта) или между концом нижней и началом верхней – в случаях типа *rejet* («Я в сердце жадно, радостно копил / Избыток сил – и только жизнь любил» – «Помпея», 1916, И. Бунина). Подобные линии вертикальных связей также в большинстве **enj** без внутрискривой паузы (см. наши примеры из первой группы переносов). Однако, у вертикальных связей могут быть и другие линии.

Во-первых, эти линии возникают при дистантных связях, когда при линейном расположении слов, разорванных концом строки, они стоят не рядом, а разделены несколькими словами: «Княжна встает, и в миг шатер / И пышной роскоши прибор, / И звуки арфы ... все пропало»; «Не зная, что начать, она / к окну решетчату подходит». В приведенных пушкинских текстах из «Руслана и Людмилы» слова, стоящие в переносе типа *contre-rejet*, образуют дистантную синтаксическую связь (с дистанцией в два слова), и, как видим, вертикальные связи в этом и подобных ему случаях – между концом верхней строки и не началом, а концом нижней.

Во-вторых, линия вертикальной связи может меняться в случаях, когда слово, стоящее в переносе, имеет большую валентность, т. е. может образовать в соседней строке несколько связей, как, например, в переносах поэм М. Лермонтова «Измаил-Бей» («На князе яркая кольчуга / Блестит, краснея; погружен / В мечтанье горестное он») и «Хаджи Абрек» («Послушный

⁵ Термины «горизонтальные» и «вертикальные» предложены нами как рабочие, тем более, что они достаточно часто используются стиховедами (применительно к другим проблемам). Краткий обзор употребления терминов «горизонтальный»–«вертикальный» сделал М.И. Шапир [20, С.47]. Наши работы в его обзоре не значатся.

конь его, объятый / *Внезапно* страхом неземным <...>»). В первом **enj** связи «погружен в мечтание», «погружен .. он»; во втором – «объятый внезапно», «объятый ... страхом». В таких случаях мы учитывали связь ближайшую. Однако бывают случаи, когда приходится учитывать связь более отдаленную – по соображениям грамматики («Он умер. Я ж ему подать / Руки *не мог* в последний час» – «Шильонский узник» В. Жуковского) или эмоционально-смыслового контекста переноса («А нынче! – *что* к моим ногам / Вас привело? <...>» – «Евгений Онегин» А. Пушкина).

Из представленного материала видно, что при **enj** вертикальные связи могут быть не только между конечными словами строк. Внося эти коррективы в ранее предложенную формулировку, мы, тем не менее, сохраняем главный принцип нашей методики выявления **enj**: вертикальные связи должны быть сильнее горизонтальных. Этот принцип мы будем отстаивать, интерпретируя переносы, приведенные выше для доказательства ошибочности абсолютизации пунктуационно оформленной внутрискрипной паузы. Но сначала сделаем необходимые оговорки.

Поскольку при анализе нашего материала мы будем оперировать понятием относительной силы синтаксических связей, отметим, что в определении этой силы мы ориентировались на иерархию М.Л. Гаспарова-Т.В. Скулачевой, представленную в их последней совместной работе [19]. Из иерархии М.И. Шапира мы приняли во внимание связи, значащиеся под №№19–23 (между компонентами сложных форм глагола; между предлогом, союзом, частицей и словом или предложением; между корневыми морфемами неударного композита; между частями ударного слова; между частями морфемы или слога [20, С.12]). В таблицах наших работ (см., например, [26]) все эти связи мы объединяем в одну группу сверхсильных связей. Наши добавления к существующим двум иерархиям касаются оценки связей при однородных членах. В иерархиях и Гаспарова-Скулачевой, и Шапира эти связи уступают силе предикативных связей. Мы согласны с М.И. Шапиром, что однородные члены более тесно связаны при наличии союзов, но ситуация выявления **enj** позволила увидеть,

что на силу связей однородных членов больше всего влияет факт наличия или отсутствия их распространения. По нашим наблюдениям, связь нераспространенных однородных членов сильнее предикативных связей, популярных в переносах русских поэтов. Иллюстративный материал будет представлен ниже при анализе своих и «чужих» примеров.

Итак, в первой группе примеров – **enj** при отсутствии пунктуационно оформленных внутрискрипных пауз – в тексте М. Цветаевой «Такая власть над сбивчивым / Числом у лиры любящей <...>» вертикальная связь разорванных слов «сбивчивым числом» определительная, т. е. сильная. Горизонтальные связи у слов, стоящих в переносе, отсутствуют: в верхней строке сильная определительная связь («такая власть») приходится на начало строки, в нижней строке сильная определительная связь («у лиры любящей») – на ее конец, так что сильные горизонтальные связи как бы подталкивают слова, оказавшиеся в разных строках, друг к другу. Это – самый простой для интерпретации случай. Похожа, но несколько отличается модель переноса у И. Бунина «И в ярком небосклоне предо мною / Кудрявилась зеленая гора». В верхней строке конечное метрическое слово «предо мною» подталкивается горизонтальной определительной связью («И в ярком небосклоне») к установлению вертикальной связи – сильной, обстоятельственной «предо мною кудрявилась». В нижней строке у конечного слова «кудрявилась» есть горизонтальная связь – «кудрявилась... гора», однако предикативная связь во всех иерархиях определяется как менее тесная (сильная), чем обстоятельственная, тем более, что сильная определительная связь правого конца строки («зеленая гора») подталкивает начальное слово к установлению вертикальной связи. В тексте Н. Некрасова «Как много нежности и силы / Душевной вызвали они!» в верхней строке горизонтальные синтаксические связи, в нашей интерпретации, сильные, поскольку это контактная связь нераспространенных однородных членов. Но вертикальная связь – определительная («силы душевной») – еще более сильная. Кроме того, вертикальная связь дополнительно усиливается за счет того, что в нижней строке слово «душевной» оказывается

без горизонтальных связей. Таким же образом можно интерпретировать все остальные приведенные выше примеры первой группы.

Во второй группе примеров отсутствие переносов при наличии внутрисклимовых пауз можно объяснить, применяя нашу методику, следующим образом. В пушкинском тексте «Настала ночь; в телеге темной / Огня никто не разложил» после внутрисклимовой паузы, оформленной точкой с запятой, вертикальная связь («в телеге ... не разложил») ослаблена большим словным интервалом. Еще важнее заметить, что образованию переноса мешает сильная горизонтальная связь конца верхней строки («телеге темной»), которая «держит оборону». Перенос при такой сильной горизонтальной связи в конце верхней строки мог бы возникнуть, если бы в начале нижней строки стояло одно слово с отсеченными горизонтальными связями, как, скажем «<...> в телеге темной / Никого. <...>», но у Пушкина в нижней строке сильная синтаксическая связь – дополнительная («Огня ... не разложил»). Вертикальная связь на таком фоне еще более ослабевает, поэтому **enj** в данном случае отсутствует. Аналогичная модель **enj** в строках Лермонтова «Увы, я стар! Мои седины / Белее снега той вершины». В верхней строке притяжательное местоимение, представленное «метрически двойственным» [11, С. 91] словом («мои»), стоит на сильном (потенциально ударном) месте, поэтому не атонируется, а образует синтаксическую (в данном случае определенную) сильную связь, препятствующую, так же, как в пушкинском тексте, образованию **enj**. Подобным образом мы объясняем отсутствие переносов в примерах из «Руслана и Людмилы» Пушкина и «Младенчества» Вяч. Иванова. Добавим, что среди текстов второй группы вероятность отсутствия переносов увеличивается в длинных размерах (см. приведенные выше примеры из произведений Жуковского и Гумилева), когда увеличенное пространство стихотворной строки дает возможность образованию сильных горизонтальных связей и после внутрисклимовой паузы.

Описанные механизмы препятствия образованию **enj** при наличии пунктуационно оформленной внутрисклимовой паузы обосновывают наш исходный тезис об ошибочности абсолютизации подобной паузы. Наши поле-

мические замечания в адрес многих авторов современных работ, посвященных **enj**, касаются как раз случаев, когда констатируя появление переноса (как известно, явления ритмико-синтаксического), стиховеды ориентируются на внутрисклимовую паузу и не обращают внимания на характер синтаксических связей в строках, образующих структуру переноса. Так, О.И. Федотов не принимает во внимание силу определительной горизонтальной связи, когда констатирует строфический перенос в «Евгении Онегине» – «Куда по нем свой быстрый бег // Стремит Онегин? <...>» [3, С. 250–251]. В приведенном тексте вертикальная связь («бег стремится») – сильная, с прямым дополнением, однако горизонтальная определительная связь («быстрый бег»), согласно и Ярхо, и Гаспарову-Скулачевой, и Шапиру, – еще сильнее. Переноса в данном случае нет. Абсолютизацию внутрисклимовой паузы и недооценку сильных горизонтальных связей после нее мы усматриваем в статье венгерского ученого Д.Ссеке [24], когда он приводит примеры следующих переносов Пушкина и Лермонтова: «Давно, усталый раб, замыслил я побег / В обитель дальнюю трудов и чистых нег»; «И скучно, и грустно, и некому руку подать / В минуту душевной невзгоды...»; «Что страсти? Ведь рано иль поздно их сладкий недуг / Исчезнет при слове рассудка <...>». В пушкинском тексте вертикальная обстоятельственная связь («побег в обитель») слабее горизонтальных связей – дополнительной, с прямым дополнением («замыслил побег») в верхней строке и определительной («в обитель дальнюю») – в нижней. В лермонтовском тексте вертикальная связь обстоятельственная («подать в минуту») слабее горизонтальных связей – дополнительной, с прямым дополнением («руку подать») в верхней строке, и с несогласованным определением («в минуту... невзгоды») – в нижней. Во втором тексте Лермонтова вертикальная предикативная связь («недуг исчезнет») слабее горизонтальных связей – определительной («сладкий недуг») в верхней строке и обстоятельственной («исчезнет при слове») – в нижней.

Полагаем, что абсолютизируя роль пунктуационно оформленной внутрисклимовой паузы, стиховеды недооценивают, в частности силу горизонтальных связей при нераспространен-

ных однородных членах, которые, по нашим наблюдениям, «держат оборону» строк и мешают образованию переносов. Иллюстрацией этого тезиса могут быть пушкинские тексты, которые, с нашей точки зрения, ошибочно приведены в статье стиховедов смоленской школы в качестве примеров переносов: «Принес – и ослабел и лег / Под сводом шалаша на лыки <...>» [23, С. 220]; «Своих царей великих поминают / За их труды, за славу, за добро <...>» [23, С. 221]. Интуиция нам говорит о том, что **enj** в приведенных текстах нет. А применяя нашу методику, отмечаем следующее. В первом примере вертикальная связь сильная, обстоятельственная («лег под сводом» или «лег на лыки»), а горизонтальные связи еще более сильные: определительная, с несогласованным определением («сводом шалаша»), в нижней строке и связь нераспространенных однородных членов («и ослабел, и лег») в верхней. Во втором примере вертикальная связь – дополнительная, с дополнением косвенным («поминают ... за труды») – сильная, а горизонтальные связи еще сильнее: дополнительная, с прямым дополнением («царей ... поминают») – в верхней строке и связь нераспространенных однородных членов («За их труды, за славу, за добро») – в нижней.

Наши полемические замечания относятся также к Г.А. Левинтону, посвятившему специальную, в высшей степени интересную, работу переносам И. Бродского [25]. В качестве фона в его статье рассматривается фрагмент стихотворения

Б. Пастернака «Раскованный голос»: «Столкнуть в воспаленную полночь, / И слышать сквозь темные спаи / Ее поцелуев <...>» [25, С. 260]. Вопреки утверждению Г.А. Левинтона, между второй и третьей строкой **enj** отсутствует, так как верхняя строка заканчивается сильной определительной связью («темные спаи»), а в нижней строке до внутрисклоновой паузы, оформленной у Пастернака знаком тире, – также сильная горизонтальная связь («ее поцелуев»), поскольку притяжательное местоимение («метрически двойственное слово») стоит на сильном месте и не атонируется, а образует сильную определительную связь. При анализе автометаописательной функции переносов Бродского Левинтон в качестве примеров приводит многие тексты поэта, однако в некоторых переносы отсутствуют. Это: «<...> на явном рубеже / минувшего с грядущим <...>» [25, С. 269]; «острей, чем меч его, / лезвие это и им отрезана / лучшая часть» [25, С. 271]. В обоих процитированных текстах горизонтальные связи сильнее вертикальных, поэтому переносов, согласно нашей методики их выявления, здесь нет.

Подводя итоги нашей полемики и вообще всего сказанного, отметим, что продвигая свое решение проблемы выявления стихотворных переносов, мы не хотели бы свести проблему к спору о дефинициях. Наша методика, благодаря которой удастся более строго установить наличие **enj** или его отсутствие, направлена на установление ритмико-синтаксического своеобразия текста и открывает новые механизмы описания этого своеобразия.

03.10.2015

Список литературы:

- 1 Гаспаров М.Л. Перенос // Литературная энциклопедический словарь. – М., 1987. – С.274.
- 2 Холшевников В.Е. Что такое русский стих // Мысль, вооруженная рифмами: поэтическая антология русского стиха. – М., СПб., 2005. – С.66-67.
- 3 Федотов О.И. Основы русского стихосложения: метрика и ритмика. – М., 1997. – С.237-261.
- 4 Степанов А.Г. Перенос // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М., 2008. – С.162-163.
- 5 Томашевский Б.В. Стих и язык: филологические очерки. – М., Л., 1959. – С.202-324.
- 6 Матяш с. А. О стихотворном переносе и переносе в вольном стихе. Карагандинский гос. ун-т. – Караганда, 1988. Деп. в ИНИОН АН СССР, № 35229 от 19.08.88. – 20с.
- 7 Матяш с. А. Стихотворный перенос: к проблеме взаимодействия ритма и синтаксиса // Русский стих: метрика, ритмика, рифма, строфика / В честь 60-летия М.Л. Гаспарова. – М.: Изд. РГГУ, 1996. – с. 189-202.
- 8 Бокушева Г.А. Стихотворный перенос (на материале поэзии Н.А. Некрасова) / дис. ... канд. филол. наук – Караганда, 2001. – 158с.
- 9 Матяш с. А., Чекакина Н.А. Стихотворные переносы (enjambements) в лирике Е.А. Баратынского в контексте пушкинской традиции // Вестник Оренбургского гос. университета, 2011, №11. – С.20-25.
- 10 Служаева Е.Ю. Стихотворные переносы (enjambements) в лирике Осипа Мандельштама // Вестник Оренбургского гос. университета, 2012, №11. – С.40-45.
- 11 Жирмунский В.М. Теория стиха. – Л., 1975. – С.151-162.
- 12 Taranovsky K. Some Problems of Enjambement in Slavic and Western European Verse/ International Journal Linguistics and Poetics, 1963, vol 7. – P. 80-87.
- 13 Иванов Вяч. Вс. Из наблюдений над одой XVIII в. // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. – С.174-187.
- 14 Гаспаров М.Л. Работы Б.И. Ярхо по теории литературы // Труды по знаковым системам. IV / уч. зап. Тартуского гос. университета, вып. 236. – Тарту, 1969. – с.504-526.

- 15 Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения: избранные труды по теории литературы. – М., 2006. – 927с.
- 16 Акимова М.В. Б.И.Ярхо в полемике с тыняновской концепцией стихотворного языка // *Philologica*, 2001/2002. Т.7, №17/18. – С.207-225.
- 17 Гаспаров М.Л. Ритм и синтаксис: происхождение «лесенки» Маяковского // *Проблемы структурной лингвистики 1979*. – М., 1981. – С.148-168.
- 18 Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Ритм и синтаксис в свободном стихе // *Очерки языка русской поэзии XX века: грамматические категории, синтаксис текста*. – М., 1993. – С.20-43.
- 19 Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Статьи о лингвистике стиха. – М., 2004. – С.182-190.
- 20 Шапир М.И. *Universum – versus: язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII-XX веков*. – М., 2000. – Кн.1 – 536с.
- 21 Шапир М.И. Статьи о Пушкине. – М., 2009. – 400с.
- 22 Гаспаров М.Л. Современный русский стих: метрика и ритмика. – М., 1974. – 487с.
- 23 Баевский В.С., Новикова М.Л., Романова И.В. Синтаксический перенос (enjambement) от Шекспира до Бродского: онтологический аргумент и статистические модели // *Славянский стих. VIII: стих, язык, смысл*. – М., 2009. – С.218-232.
- 24 Ссеке Д.К. Функции поэтического переноса в лирике Пушкина и Лермонтова // *The Structure and Semantics of the Literary Text*, ed. by M.Peter. – Budapest, 1997. – P.119-125.
- 25 Левинтон Г.А. Три разговора о любви, поэзии и (анти) государственной службе. II. От всего человека вам остается часть / речи: (три заметки о Бродском) // *Россия / Russia*. – М. – Венеция, 1998. – С.256-284.
- 26 Матяш С. А. К истории и типологии стихотворного переноса // *Славянский стих: Лингвистическая и прикладная поэтика*. – М., 2001. –С. 172-186.

Сведения об авторе

Матяш Светлана Алексеевна, профессор кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка факультета филологии Оренбургского государственного университета, доктор филологических наук, профессор

460018, г. Оренбург, пр-т Побуды, 13, ауд. 11066